Раздел 8.
ПРОБЛЕМЫ ВОЙНЫ, МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ В СТРАНЕ И РЕГИОНЕ [1]

Вот уже в течение трех десятилетий Афганистан остается в центре внимания широкой мировой общественности. Этот интерес вызван не только происходящими в этой стране бурными переменами и огромными социально-политическими и военными потрясениями, но и тем дестабилизирующим воздействием, которое афганский кризис оказывал и продолжает оказывать на мир и безопасность в обширном центральноазиатском и средневосточном регионе.

Следует заметить, что афганский кризис и гражданская война в этой стране начались не с момента ввода советских войск, как это стало ныне модным писать и говорить с высоких трибун по корыстным политическим соображениям, а задолго до этих событий и были связаны с мучительной капиталистической эволюцией Афганистана, которая до крайности обострила, особенно начиная с 60-х годов XX в., давно назревшие в афганском обществе социально–экономические, политические, идеологические, этнонациональные и другие противоречия.

В такой непростой внутренней ситуации на арену общественно-политической борьбы вышли многочисленные оппозиционные течения и группировки. Их идейный разброс, отразивший в своей основе своеобразие страны, оказался весьма широким: от крайне правых консервативно-клерикальных, националистических, либерально-буржуазных, мелкобуржуазно-популистских до леводемократических и левоэкстремистских сил. Каждая из них предлагала свою программу мер и действий, чтобы вывести страну из глубокого социально-экономического и политического кризиса, покончить с вековой отсталостью и приобщить свой народ к плодам современной цивилизации. Для деятельности многих афганских оппозиционных движений и организаций этого периода с самого начала их появления были характерны подчеркнутый радикализм их программных лозунгов и призывов, высокая общественная активность, непримиримость к власть имущим и нередко стремление использовать грубую силу в качестве главного орудия борьбы против правящего режима и своих политических противников.

В сложившихся условиях правящие монархические круги попытались в 60-х годах XX в. оздоровить политическую ситуацию в стране и снять социальную напряженность с помощью поверхностных реформ и преобразований, получивших в исторической литературе по Афганистану название «демократического эксперимента». Однако все эти усилия монархии имели обратный результат. В течение десяти лет проведения «демократического эксперимента» афганская оппозиция, получившая право выражать собственные взгляды через частную (независимую) прессу и проводить открыто массовые антиправительственные акции, расшатала устои власти и привела монархию к краху. Закончился более чем двухсотлетний период господства монархии на афганской земле.

С этого времени еще больше обострилась общественно-политическая борьба между консервативно-клерикальными силами, стремившимися удержать Афганистан на старых, средневековых рубежах жизни, с одной стороны, и прогрессивными, национально–демократическими кругами, выступавшими за радикальное обновление общества на общедемократических началах, – с другой. В этих условиях Афганистан был объективно обречен на социальные потрясения.

Необходимо подчеркнуть, что все действовавшие в стране оппозиционные движения и группировки, как и власть вообще, никогда не были (да и не могли быть) свободными от внешнего влияния, а порой и прямого вмешательства извне во внутриафганские дела. Прежде всего они испытывали на себе огромное воздействие перемен, происшедших в мире и регионе после окончания Второй мировой войны. В этот период в Афганистане особой популярностью среди городской политизированной общественности пользовались социалистические идеи. В числе прочих факторов, содействовавших усилению внешнего влияния, явилось то, что Афганистан, занимая важное географическое поло-

жение в центральноазиатском регионе, оказался, особенно с середины 50-х годов XX в., на передовых рубежах столкновения геополитических и идеологических интересов и конфронтации двух глобальных социальных систем. Если к этому добавить еще и известное стремление доминировать в данном регионе СССР, США, Китая, Саудовской Аравии, Турции, шахского, а затем и теократического Ирана, а также Пакистана, то можно себе представить масштабы давления извне на афганские режимы и различные общественно-политические, конфессиональные и этнонациональные круги Афганистана. Отсюда неудивительно, что афганский, сугубо внутренний, кризис с самого начала его возникновения был максимально интернационализирован.

Указанные внутренние и внешние факторы, вместе взятые, предопределили особый накал и исключительно ожесточенный и длительный характер общественно–политической борьбы на афганской земле. Итогом почти тридцатилетней, все еще не закончившейся трагедии Афганистана явилась насильственная смена шести последовательно правивших в стране режимов: монархического (1973 г.), республиканского М. Дауда (1978), двух левых (1979 и 1992), моджахедов (1996) и талибов (2001 г.).

С приходом к власти в 1992 году так называемых «борцов за веру», обученных и вооруженных на деньги США и консервативных режимов региона, Афганистан окончательно утратил демократический вектор развития и перестал существовать как централизованное государство, распавшись на ряд уделов, в которых правят те или иные военно–политические и этнонациональные группировки.

Положение в Афганистане еще больше усугубилось с захватом Кабула экстремистским движением «Талибан» – креатурой США, Саудовской Аравии и Пакистана. Вскоре талибовский Афганистан, вопреки воле, желанию и надеждам его прежних заокеанских и региональных покровителей, превратился в очаг международного терроризма и поставил под угрозу мир и безопасность далеко за пределами этого географического пространства, включая и самих Соединенных Штатов Америки. События 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне еще раз подтвердили старую истину о том, что грязная политика, политика двойных стандартов неизбежно оборачивается огромным злом и трагедией не только для миллионов простых людей, но и для самих ее незадачливых творцов и вдохновителей.

7 октября 2001 г. США и Великобритания начали в Афганистане операцию под претенциозным названием «Несокрушимая свобода» с целью ликвидировать «международного террориста №1» Усаму бен Ладена и руководство приютивших его талибов. В ответ талибы, поддержанные экстремистскими религиозно-политическими движениями и организациями в Пакистане и других странах мира, объявили Америке джихад («священную войну»). Есть все основания ожидать, что их призыв к джихаду против США – не пустой звук, поскольку разветвленная сеть структур боевиков, связанных с Усамой бен Ладеном и другими лидерами исламских экстремистских организаций, продолжает существовать и активно действовать в более чем 60-ти странах, том числе и в США.

С помощью двухмесячных массированных бомбо-штурмовых ударов и пусков крылатых ракет, а также активных наземных действий войск Северного альянса Соединенным Штатам Америки удалось сломить сопротивление талибов на большей части территории Афганистана и привести в Кабуле к власти временное правительство во главе с пуштуном Хамидом Карзаем. Однако США и их союзники не смогли обезглавить ни движение «Талибан» и ни организацию «Аль-Каида» и, более того, разгромить полностью их военные формирования. В Афганистане у США не сработал также и лозунг «односторонней» войны, т.е. войны без широкого использования своих наземных войск.

С ликвидацией власти талибов в Кабуле гражданская война в Афганистане, к сожалению, не только не закончилась, как это кажется некоторым лицам за рубежом, но и приняла крайне запутанный, непредсказуемый характер. Она, взяв некоторую временную передышку, перешла в качественно новое измерение. Если на первых порах, начиная с середины 70-х годов XX в., гражданская война в стране, как известно, развивалась преимущественно в русле идейно-политического противоборства, затем, после круше-

ния в 1992 году левого режима, перешла в сферу межэтнических и межконфессиональных кровавых разборок, то сейчас она, сохраняя прежние межэтнический и межконфессиональный аспекты, все отчетливее приобретает черты национально-освободительного сопротивления против иноземного военного присутствия.

Чтобы оценить перспективы развития ситуации в Афганистане и вокруг него, мне представляется необходимым рассмотреть подробнее существующий в стране расклад военно-политических сил, а также характер и масштабы внешнего влияния на них.

В настоящее время за власть в стране и за право определять будущее государственное устройство Афганистана борются различные военно-политические группировки и некоторые региональные афганские структуры, к которым относятся:

- на северо-востоке страны – Исламское общество Афганистана с его сильными военными формированиями. Представленное в основном таджикским этносом, оно длительное время воевало против советских войск и движения «Талибан»;
- на севере, близ границ с Туркменистаном, Узбекистаном и Таджикистаном, – Национальное исламское движение Афганистана во главе с узбеком Абдуррашидом Дустомом, имеющим под ружьем десятки тысяч хорошо обученных и вооруженных бойцов. После крушения власти левых в Кабуле к нему примкнули многие члены Партии Отечества (наследницы НДПА) и других леводемократических организаций Афганистана. А.Р. Дустом получает щедрую поддержку и помощь со стороны Турции и Узбекистана;
- на северо-западе (провинции Герат, Гур, Бадгис) – военно-политическая группировка таджика по национальности, генерала Исмаил-хана (в массовом обиходе – «туран Исмаил», что в переводе на русский означает «капитан Исмаил»). Его группировка является составной частью Исламского общества Афганистана и активно поддерживается Ираном;
- в центре страны (Хазараджат) – проиранская Партия исламского единства Афганистана и ее вооруженные отряды шиитов-хазарейцев во главе с Каримом Халили [2];
- на северо-востоке (провинции Кунар и Лагман) – индоарийская группа племен нуристанцев, имеющих сильное вооруженное ополчение и испокон веков конфронтирующих с пуштунами;
- в ряде районов северо-востока и севера страны (провинции Бадахшан, Баглан, Балх, Герат) – афганские исмаилиты, располагающие внушительной и хорошо вооруженной силой (численность секты исмаилитов в Афганистане, видимо, превышает 1 млн. человек). В 1980 – 1992 годах они активно поддерживали левый кабульский режим и, имея под ружьем несколько полков и дивизию иррегулярных войск, воевали против афганской вооруженной оппозиции;
- в провинциях Гур, Кунар и Нангархар – отряды пуштунских племен во главе с Абдул Кадыром, воевавшие в составе Северного альянса против движения «Талибан»;
- в провинциях к югу от Гиндукуша – иррегулярные формирования различных пуштунских племен во главе со своими вождями и старейшинами. Их сила состоит не только в многочисленности, особой воинственности и неукротимой воле отстаивать свою племенную «вольницу», но и в тесных связях со своими соплеменниками в Пакистане и крайне правыми религиозно-политическими организациями этой страны. Ряд пуштунских экстремистских группировок, действующих в зоне племен, получает щедрую материальную и финансовую помощь от Саудовской Аравии и различных арабских «благотворительных» фондов и организаций.

Данный расклад военно-политических сил в Афганистане и разновекторность их поддержки извне не внушает особого оптимизма относительно быстрейшего разрешения афганского конфликта. Противостояние по линии «пуштуны-непуштуны» остается. Влиятельные военно-политические группировки, представленные национальными меньшинствами, абсолютно не приемлют идею воссоздания единого афганского государства, в котором политически доминировали бы пуштуны, составляющие по численности меньше половины населения страны. Это четко обнаружилось еще на предварительном этапе формирования временного правительства Хамида Карзая, которое по замыслу должно было отражать интересы всех сил, входящих в Северный альянс. Отсюда совершенно не случайно, что по прошествии нескольких месяцев после создания данного правительства его влияние не выходит за пределы столицы и ее окрестных долин и еще, быть может, Кандагара – вотчины самого Х. Карзая.

Этнические меньшинства Афганистана, составляющие в общей сложности более половины населения страны и расселенные преимущественно к северу от Гиндукуша, уже давно тяготятся политической властью пуштунов. Эти антипуштунские настроения уси-

ленно подогреваются рвущейся к политической власти таджикской и узбекской буржуазией, ставшей в Афганистане в силу определенных исторических условий основной экономически и финансово господствующей силой. Культивированию подобного рода настроений антипуштунизма и сепаратизма содействуют и геоэкономические факторы. Дело в том, что на севере Афганистана сосредоточены почти 60% всей земельной площади, занятой под зерновыми и овощами, 46% – под фруктами и более 80% – под техническими культурами. Кроме того, в северных районах Афганистана выращиваются более 70% поголовья мелкого рогатого скота и почти все 5–6 млн. каракульских овец.

Усилению антипуштунских настроений способствовало и последнее десятилетие, когда гражданская война проходила в основном в русле противоборства непуштунов, с одной стороны, и пуштунов – с другой. При этом победа Северного альянса в военных операциях против талибов-пуштунов породила в массовом сознании северян комплекс силового превосходства над своими противниками и укрепила их (северян) решимость добиваться для себя широкой автономии, для которой уже придумано и название – Хорасан.

Сепаратистские тенденции в Афганистане упорно инициируются и извне. В частности, активную роль в этом играют Узбекистан и особенно Турция, издавна лелеющая мечту о создании под своей эгидой «Великого Турана» от Средиземного и Черного морей до Восточного Туркестана. Далеко идущие цели усиления своего влияния в Афганистане на панисламистской и этнической основе пытается реализовать и теократический Иран. Во всяком случае максимум автономии и политическая стабильность в районах афганского севера в наибольшей степени отвечают прежде всего геополитическим интересам как западных, так и северных соседей Афганистана.

Вне сферы иноземного интереса не остаются и пуштуны. В их судьбе весьма заинтересован восточный сосед Афганистана – Пакистан. Как известно, влиятельные пакистанские военные круги еще со времен генерала Зияя-уль-Хака вынашивают идею создания некоей афгано-пакистанской конфедерации как наиболее приемлемой формулы урегулирования афганского вопроса. Вместе с тем пакистанская правящая верхушка не отказывается ныне и от сохранения единого афганского государства, однако такого, которое не поднимало бы проблему Пуштунистана на уровень межгосударственных отношений. Пакистан выступает решительно против раскола Афганистана по этническому признаку, опасаясь, что это неизбежно побудит пуштунов к созданию самостоятельного пуштунского государства с включением в его состав многомиллионного Пуштунистана. Такое развитие событий может поставить под серьезную угрозу территориальную целостность Пакистана.

На пути урегулирования афганского кризиса стоит еще одна немаловажная проблема – отсутствие в стране фигуры будущего лидера, которая бы устроила все внутренние противоборствующие стороны, а также и внешние силы, завязанные в решении афганского вопроса. В настоящее время роль общенационального лидера не могут играть ни престарелый экс-король Мухаммад Захир-шах, давно утративший авторитет среди большинства населения страны, ни бывший президент Исламского Государства Афганистан Бурхануддин Раббани, таджик по национальности и, по некоторым сведениям, шиит по религиозной принадлежности, и ни кто-либо иной из числа лидеров антиталибской коалиции, в том числе и Хамид Карзай, креатура США. И все же, при всех своих слабых сторонах, наибольшие шансы занять в будущем президентское кресло имеет Б. Раббани. Однако его кандидатура, прямо скажем, никак не может устроить гордых пуштунов, авторов афганской государственности, никогда не допускавших на длительное время к вершинам политической власти инородцев.

По прошествии вот уже немалого времени после начала в Афганистане военной операции США и их собратьев по НАТО становится совершенно очевидным, что они, вторгшись своими наземными войсками в исконно пуштунские районы обитания, воюют в настоящее время уже не с талибами, как таковыми, а со свободолюбивыми и воинственными пуштунами, которые в течение своей многовековой истории никогда, ни при каких обстоятельствах не терпели над собой иноземное насилие и господство. В сознании пуштунов американо-натовское вторжение в их родной дом предстает как вызов, как покушение на их честь и достоинство, как угроза их независимости. В этой связи уместно вспомнить яркую характеристику, которую дал афганцам (пуштунам) Ф. Энгельс еще в 1857 году: «…афганцы слывут щедрым и великодушным народом, если их не провоцировать» (подчеркнуто мною. – М.С.). Ф. Энгельс отметил еще одну их характерную черту: «Война для них является развлечением и отдыхом от однообразных занятий хозяйственными делами» [3].

И, действительно, пуштуны постоянно воевали либо с внешним врагом, либо, когда его не было, то между собой. При этом нередко в основе их межплеменной вражды лежали или кровная месть, или «промысел войны». Данный «промысел войны» был и остается для пуштунов такой же обыденной нормой жизни и бытия, как, к примеру, занятие ими скотоводством и земледелием. Разновидностью «промысла войны» у пуштунов издревле стала эксплуатация фактора своей лояльности к центральному правительству страны. Афганскому государству со времен его основателя Ахмад-шаха до настоящего времени приходилось всегда расплачиваться с пуштунскими племенами за соблюдение ими мира и воздержание от войны предоставлением им широких привилегий, льгот, субсидий, престижных государственных постов и пр.

Присущие пуштуну воинственность, дух свободы и независимости, а также извечный «промысел войны» делают его поведение вполне предсказуемым, а именно: пуштуна нельзя победить, но его можно купить. Принимая во внимание данное обстоятельство, США, видимо, предстоит в ближайшем будущем решить вопрос, следует ли продолжать воздушные и наземные боевые операции в зоне расселения пуштунов или же, что представляется более перспективным и менее дорогостоящим, попытаться купить лояльность влиятельной пуштунской племенной верхушки.

Оценка ситуации внутри и вокруг Афганистана будет неполной без учета появившегося в этом регионе натовского военного фактора. Вырвавшись далеко за пределы своего географического пространства, американо-натовский альянс превратил в арену своего военного присутствия огромный регион Центральной, Средней и Южной Азии, а также зону Аравийского моря и Персидского залива. На очереди стоит Закавказье и, не исключено, – и Казахстан. Если брать во внимание стратегические замыслы США править миром, то есть все основания предполагать, что военное присутствие США и их союзников в этой части Азии может растянуться на многие годы, если не навсегда. Во всяком случае закрепление НАТО в центральноазиатском регионе поставит под серьезную угрозу не только традиционные здесь геополитические интересы России, но и безопасность ее собственной территории к востоку от Урала. Вместе с тем перенесение границ НАТО в обширный азиатский континент и объявление на его просторах пресловутых «зон национальных интересов» США, [4] что, впрочем, уже имеет место в бассейне Каспийского моря, неминуемо затронет интересы Китая, Индии, Ирана и других стран и явится опасным вызовом всему человечеству. Такого рода исторический прецедент еще больше скажется на углубление противоречий между Севером и Югом, несомненно, расширит масштабы международного терроризма и выступлений антиглобалистов против «золотого миллиарда».

Из сказанного следует, что афганский кризис, растянувшийся на десятилетия, имеет глубокие социально-экономические, политические, идеологические, этнонациональные и другие корни. Он не закончился с вмешательством в его разрешение американо-натовских сил. История Афганистана последней трети XX в. показывает, что умиротворение страны невозможно на путях использования только военной силы и вооруженного вмешательства извне. Представляется, что самым предпочтительным может стать сценарий решения афганского вопроса, который в 80-х годах XX в. был разработан и предложен ООН, но оказался, к сожалению, не реализованным из–за обструкций Соединенных Штатов Америки и непримиримости афганской вооруженной оппозиции к кабульскому «коммунистическому» правительству. Этот сценарий ООН, как известно, предусматривал участие в процессе умиротворения страны всех национально-патриотических, консервативно-клерикальных, либеральных и демократических сил, включая и представителей левого афганского режима.

Примечательно, что спустя с тех пор десятилетие даже самые ортодоксальные лидеры бывшей непримиримой афганской вооруженной оппозиции вынуждены признавать, что без участия левых невозможно решить афганскую проблему. Так, глава Исламского общества Афганистана Б. Раббани, собирающийся создавать партию под названием «Объединенный фронт», в середине апреля 2002 г. заявил, что намерен принимать в ее ряды всех подлинных патриотов родины, в том числе, как он выразился, «и сторонника западных ценностей Хамида Карзая, и сыновей коммуниста Бабрака Кармаля» [5].

Нельзя не видеть, что в ходе гражданской войны и неоднократной смены правивших в стране режимов подавляющая часть афганской интеллигенции и деловых кругов, включая и представителей левой ориентации, сказались в политической эмиграции. Совершенно ясно, что без возвращения в страну этой интеллектуальной и деловой элиты у Афганистана нет будущего. Однако главное все же состоит в экономическом восстановлении страны, переходе народа к мирному созидательному труду и устранении из жизни

афганского общества «промысла войны» и наркобизнеса, ставших в годы гражданской войны основными занятиями большинства дееспособного населения Афганистана.

Что касается афганской государственности, то думается, ее прежний вариант вряд ли возможен. Если это и случится, то страна скорее всего получит федеративную схему государственного устройства с очень сильными экономическими и политическими правами автономий на севере, северо-западе и в центре Афганистана. Остается вполне реальным и распад страны по этническому признаку. В этом случае может появиться очаг напряженности на афгано-пакистанской границе, чреватой угрозой целостности и безопасности Пакистана. Вынашиваемый определенными влиятельными пакистанскими кругами план создания афгано-пакистанской конфедерации, если он будет реализован, еще больше ужесточит индо-пакистанские отношения и неизбежно приведет к дальнейшей дестабилизации положения в Южной Азии с непредсказуемыми последствиями.

Возвращение Афганистана на путь мирного развития, безусловно, соответствует геополитическим интересам стран региона. Однако, надо признать, такой вариант вряд ли может во всем устроить США, для которых поддержание нестабильности в отдельных странах и регионе в целом наилучшим образом отвечает их стратегии доминирования в мире в качестве единственной сверхдержавы. В этой связи закрепление военного присутствия США и НАТО к югу от Урала и Сибири, в Закавказье, а также агрессивные поползновения против так называемых «стран-изгоев» создают опасную ситуацию в мире и ставят под угрозу интересы и национальную безопасность не только России.

Похоже, что правящая элита США, используя после распада СССР благоприятную для себя ситуацию в мире, спешит реализовать на практике теорию «Петля анаконды», выдвинутую в свое время американским адмиралом и профессором Альфредом Мэхэном. Суть ее: шаг за шагом обвивать, сжимать Евразию и подчинять ее американскому влиянию. В этих условиях мировое сообщество не может и не должно допустить, чтобы в системе международных отношений как на глобальном, так и на региональных уровнях верх брали культ военной силы и притязания одной державы на роль главного вселенского защитника свободы и прав человека (в их американском понимании), на роль единоличного вершителя судеб человечества. К сожалению, Россия, чьи геополитические интересы прежде всего затрагиваются в центральноазиатском регионе, до сих пор не имеет четко выработанной стратегии, которая бы отражала в своей основе новые вызовы миру, и лишь настороженно наблюдает за развитием событий вокруг своих границ, довольствуясь успокоительными, миролюбивыми заклинаниями лидеров Запада. Такая позиция выжидания и самоуспокоенности может обернуться в будущем крайне роковыми последствиями и для России, и для всего евразийского сообщества.

Примечания

1. В основу данного раздела положено выступление автора на пленарном заседании XXXI научной конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, состоявшемся 24 апреля 2002 г.
2. Партия исламского единства Афганистана (ПИЕА) образована в сентябре 1990 г. в Тегеране на совещании группировок афганской вооруженной оппозиции, которые в то время базировались в Иране. В ее руководство вошли Мортазави, Фияз, Талегани, аятолла шейх Мухаммад Асеф Мохсени Кандагари, Ахлаки, Мухаммад Карим Халили, ходжат-оль-эслам Шафак, ходжат-оль-эслам Абдель Али Мазари.
3. Энгельс Ф. Афганистан //Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2–е изд. Т.14. – С.78.
4. Нельзя исключить, что в будущем Вашингтон может объявить и Афганистан «зоной своих национальных интересов». В пользу такого предположения говорит следующий факт: обстановка в Афганисане еще не нормализовалась, а в Кабуле уже развернута кипучая деятельность калифорнийской компании «Юнокал», которая планирует строительство мощного газопровода из Туркмении к Индийскому океану через территорию Афганистана и Пакистана.
5. Известия. – 2002, 16 апреля.